

— Мэнхуэй, ты нынче обзавелся семьей, встал на ноги, и брак твой так счастлив, что я, брат твой, не могу не завидовать. За этот кубок, что я поднимаю в честь тебя и твоей супруги, желаю вам прожить до седин в согласии и нерушимой верности.

Я сиял от радости, поднимая чарку, и искренне чествовал его. Услышав мои слова, он с трудом выдавил из себя слабую улыбку, поднял свой кубок и осушил его одним глотком.

— Чанъань, подожди меня два года. Через два года я непременно сдам экзамены и тогда смогу служить вместе с тобой в Академии Ханьлинь.

— Разумеется! С твоим-то талантом занять первое место на экзаменах не составит труда. Глядишь, даже практику проходить не придется, сразу станешь редактором. Будем вместе писать книги и составлять летописи — разве не счастье?

Я покраснел от возбуждения и с жаром говорил ему это. Он тоже был очень рад и звонко рассмеялся:

— Ха-ха, тогда я воспользуюсь твоим добрым пожеланием, брат мой!

В тот день мы с Чэн Янем пили напропалую, пока не напились до беспамятства. После полудня я почувствовал такую усталость, что решил вздремнуть в его гостевой комнате. Мы, пошатываясь, дошли до его кабинета. В комнате было чисто и прибрано, циновки на кушетке лежали ровно, и мы, не раздеваясь, повалились отдыхать.

За окном вовсю пригревало весеннее солнце, пробиваясь сквозь узорчатые переплеты рам. Птицы весело щебетали, словно распевая весенние песни, а в комнату доносился тонкий, едва уловимый цветочный аромат.

Когда я очнулся и посмотрел на спящего рядом Чэн Яня, то не удержался: повернулся на бок, подпер голову рукой и принялся тихо, завороченно его разглядывать. Это было самое пленительное мужское лицо, что я видел в своей жизни. Его брови, словно мечи, взлетали к вискам, придавая облику мужественность; длинные ресницы, точно маленькие веера, отбрасывали на веки легкую тень; высокий прямой нос и розоватые губы, чуть припухшие, как лепестки весеннего цветка. Его шея была тонкой, а слегка выступающий кадык словно таил в себе особую притягательность. Подобно гладкой жемчужине, он покоился на изящной линии шеи и чуть вздрагивал при каждом ровном вздохе, словно рассказывая о какой-то безмолвной гармонии.

Я не мог оторвать от него взгляда, и сердце мое, словно под чьим-то невидимым прикосновением, невольно забилось чаще. Столь совершенное лицо было невозможно игнорировать, и я, сам не свой, потянулся рукой и кончиками пальцев едва коснулся его кадыка. Кожа оказалась нежной и теплой, с едва заметной пульсацией. Мое лицо мгновенно вспыхнуло, словно от огня, а сердце в груди заколотилось так, будто собиралось вырваться наружу. Я поспешно лег обратно — лишь бы не разбудить его.

Сон был на редкость приятным, я чувствовал необычайную легкость, словно поток теплой энергии разлился от сердца по всему телу. Настроение стало безоблачным, как небо после грозы. Рефлекторно захотелось потянуться, разминая наполненное счастьем тело. В этот момент рука случайно нащупала что-то под подушкой. Пальцы коснулись бумажного свертка, и я замер в недоумении: что за сокровище спрятал здесь Чэн Янь? Любопытство вспыхнуло, как лесной пожар, и я, не в силах сдержаться, вытащил сверток.

Стоило мне заглянуть внутрь, как я вздрогнул всем телом и едва не вскрикнул. Боже мой, да это же Пилюля Непокосимости Неба и Земли!

Мое лицо вмиг залило краской, оно горело, как в лихорадке. Что же делать? Нечаянно наткнулся на такую интимную вещь! Я запаниковал, пытаюсь запихнуть свертки обратно, но любопытство, словно кошачьи когти, скребло на душе. Все вокруг твердят, что это чудо-лекарство, так как же оно выглядит? Мои руки дрожали, когда я осторожно попытался развернуть его, чтобы рассмотреть получше.

И в этот самый миг Чэн Янь открыл глаза. Увидев, что я с таким рвением изучаю его снадобье, он разразился таким громким хохотом, что я чуть не подпрыгнул на месте.

— Что? Хочешь попробовать? — он усмехнулся, насмешливо глядя на меня.

— Я... я... Ох! — я был так пристыжен, что готов был провалиться сквозь землю. В голове звенело, и я в панике швырнул свертки ему в лицо, воскликнув: — Кому нужна эта ерунда!

Он ловко поймал лекарство, и его насмешливый вид вызвал у меня вспышку гнева. Раздраженный тем, что он так надо мной подшучивает, я сердито выпалил:

— Раз уж вы с женой держите такие вещи, прячьте их в шкаф, а не разбрасывайте где попало!

— Кто же знал, что ты будешь шарить руками где ни попадя? Кабинет — мое личное пространство, где хочу, там и храню, — он весело смотрел на меня, ничуть не смущаясь.

Я притворился обиженным, скрестил руки на груди и фыркнул:

— Теперь я знаю твою тайну, так что думай, чем будешь затыкать мне рот!

Сияющая улыбка на лице Чэн Яня мгновенно угасла. Он бережно сунул свертки обратно под подушку, затем крепко взял меня за руку и, глядя прямо в глаза, серьезно произнес:

— Чанъань, чего ты хочешь? Все, что у меня есть, я отдам тебе.

— Ого, неужели? Тогда я хочу многого: высоких постов, несметных богатств, красавицу в

придачу — дашь? — я решил перевести все в шутку.

Услышав это, он замолчал. Долгое время не произносил ни слова. Медленно разжав ладонь, он отвернулся и уставился в потолок, словно погрузившись в раздумья, и в его взгляде промелькнула печаль.

Время летело быстро, и два года практики пролетели в одно мгновение. Я успешно сдал императорские экзамены и, как и мечтал, остался в Академии Ханьлинь, получив должность редактора. Лю Ся был назначен в Военное ведомство в Нанкине; ему уже перевалило за тридцать — самое время для великих свершений и блестящей карьеры.

Перед отъездом господин Ли с напутствием сказал ему:

— Шиюн, ты хорошо разбираешься в военном деле, служба в Нанкине позволит тебе раскрыть свой талант в полной мере. Но ты прямодушен и тверд, поэтому во всем ставь интересы государства превыше всего. Я больше не буду рядом, так что помни мои наставления. Приехав в Нанкин, не забудь передать привет господину Чэн Синю.

Услышав это, Лю Ся опустился на колени и взволнованно произнес:

— Я с детства был обласкан вниманием учителя, и мне нечем отплатить за ваши мудрые советы. Прошу, не беспокойтесь, я приложу все силы, чтобы служить стране и оправдать ваше доверие.

На следующий день Лю Ся прощался с сокурсниками. Мысль о расставании со старшим братом была невыносима, и в воздухе разлилась густая печаль. Лю Ся сказал нам:

— Друзья, даже если провожаешь человека тысячу ли, все равно придется расстаться. Для меня было великой честью учиться с вами бок о бок. Желаю каждому из вас достичь небывалых высот и блистать на своем поприще. Если будете в Нанкине, обязательно заходите повидаться!

Лю Ся уехал, но зато пришел тот, о ком я думал день и ночь. Чэн Янь оправдал все ожидания: на нынешних дворцовых экзаменах он занял второе место и получил звание цзиньши. В свои двадцать лет он стал самым молодым из трехсот пятидесяти сдавших экзамен и был назначен редактором в Академию Ханьлинь. Он наконец доказал всем, чего стоит его исключительный талант.